

Лин Цзыхань погрузился в раздумья, а Лэй Хунфэй, почувствовав, что перешагнул через некий барьер, наконец решился заговорить. Видя, что тот реагирует спокойно и, кажется, не сердится, он с облегчением опустил камень с души, потерял бдительность и по привычке начал нести околесицу:

— Эй, Цзыхань, тебе тоже стоит попробовать. Мы ещё молоды, многое в жизни не испытали, и это жалко.

Лин Цзыхань слегка пожал плечами и улыбнулся:

— Значит, теперь ты не сожалеешь, да?

— Не совсем, — Лэй Хунфэй, казалось, был немного озадачен. — Не могу объяснить, в душе как-то не по себе, но не пойму, почему.

Лин Цзыхань тихо усмехнулся. Они были вместе шесть лет, но этот человек, на три года его старше, в чувствах всё ещё оставался ребёнком, не понимавшим, что такое любовь. Наверное, он считал, что их долгие отношения — всего лишь привычка. Но Лин Цзыхань больше не хотел это обсуждать. Он поднял взгляд на окно и равнодушно произнёс:

— Кажется, становится жарко, да?

— Да, немного, — Лэй Хунфэй, сбитый с толку внезапной сменой темы, поспешил согласиться.

Лин Цзыхань усмехнулся про себя. За последние двадцать с лишним лет они разве так разговаривали? Он мягко спросил:

— Сигареты есть?

— А? О, есть, — Лэй Хунфэй тут же достал пачку, протянул одну Цзыханю, взял себе и зажёл обе.

Лин Цзыхань глубоко затянулся, зажал сигарету между пальцев и медленно выпустил струйку белого дыма. Движения его были уверенными и удивительно изящными.

Лэй Хунфэй слегка удивился:

— Раньше я никогда не видел, чтобы ты курил.

— Да, редко, — Лин Цзыхань, держа в одной руке чашку с водой, а в другой сигарету, выглядел беззаботно, но выражение лица оставалось спокойным и отстранённым.

Так они и сидели друг напротив друга, покуривая. Спустя некоторое время Лэй Хунфэй наконец произнёс:

— Я сегодня просто зашёл проведать тебя, скоро надо возвращаться в часть.

— Хорошо, — Лин Цзыхань кивнул и потушил окурок в пепельнице на столике.

Лэй Хунфэй взглянул на часы, тоже потушил сигарету и поднялся:

— Тогда я пойду.

— Да, — Лин Цзыхань вежливо проводил его до двери.

Лэй Хунфэй глядел на его исхудавшее, но всё ещё очень красивое лицо, на спокойные глаза, излучавшие мягкий свет. Внезапно сердце его захлестнула волна эмоций, сдержать которую он не смог. Он потянулся, крепко обнял Лин Цзыханя, и взволнованные слова сорвались с его губ:

— Цзыхань, как бы ни было, ты останешься моим самым любимым братом. С того дня, как ты родился, я так решил. Ты мой брат на всю жизнь.

Выражение лица Лин Цзыханя постепенно смягчилось. Он поднял руку, обнял Лэй Хунфэя за талию и тихо сказал:

— Хорошо, братья на всю жизнь.

Только тогда сердце Лэй Хунфэя успокоилось. С сияющим от радости лицом он отпустил его, развернулся и вышел за дверь. Лин Цзыхань проводил его до лифта, дождался, пока двери откроются, и увидел, как тот, войдя внутрь, с улыбкой помахал ему на прощание. Двери закрылись, лифт поехал вниз. Лишь тогда Лин Цзыхань повернулся и вернулся в квартиру.

В комнате вновь воцарилась тишина. В воздухе витал лёгкий запах табака, смешанный с весенним ароматом, навевая лёгкую грусть. Лин Цзыхань вышел на балкон и устремил взгляд на бетонные джунгли города. На лице его появилась усталость.

Кажется, с пяти лет и до сих пор он жил в постоянном напряжении: сначала тренировки, потом выполнение заданий — и тело, и душа были на пределе. После восемнадцати каждый отпуск он проводил с Лэй Хунфэем. Тот был человеком, чья энергия могла сравниться с целой армией, один он создавал шума и движения на тысячу. С ним маленькая квартирка всегда наполнялась теплом. Он торопился обнять его, поцеловать, страстно слиться с ним воедино, пока не наступал момент прощания. За свои двадцать четыре года Лин Цзыхань почти не знал, что такое тихая жизнь. И вот теперь дома было тихо, самое время отдохнуть и восстанавливаться, но он вдруг почувствовал, что не может этого вынести. В полной тишине он отчётливо ощущал, как в самой глубине души острая игла снова и снова вонзается в него, причиняя нестерпимую боль.

Он глубоко вздохнул, пытаясь перетерпеть, как делал это бесчисленное количество раз раньше, когда получал ранения: стиснув зубы, переждать — и станет легче, всё пройдёт. Но эта боль была иной, совершенно незнакомой, и переносить её оказалось куда труднее.

Сжав губы, он пристально смотрел вдаль, на яркий солнечный свет, заливавший весь мир. Вдруг он развернулся, вернулся в комнату, переделся в повседневную одежду и вышел из дома.

Его машина простояла в подземном гараже уже больше двух лет, и сейчас он не имел ни малейшего желания её проверять. Он не стал садиться за руль, а просто вышел за ворота жилого комплекса. Некоторое время он бесцельно бродил по тротуару, пока не увидел приближающееся пустое такси, и поднял руку.

Машина тут же развернулась и остановилась рядом.

Он сел на заднее сиденье и, не зная, куда ехать, сказал:

— Куда угодно, просто покатайтесь.

Водитель, хоть и удивился, тронулся с места. Пекинские таксисты славились своим красноречием, и, видя, что пассажир выглядит то ли скучающим, то ли слегка подавленным,

он тут же разговорился без умолку.

Лин Цзыхань смотрел на мелькающие за окном улицы, изредка отзываясь «ага» на реплики водителя, сохраняя на лице спокойное и безучастное выражение.

Когда темы от мировых событий до местных новостей были исчерпаны, водитель, покружив по улицам, оказался недалеко от Олимпийской деревни. Вдруг он что-то вспомнил и оживился:

— Молодой человек, в честь столетия страны в Олимпийском саду проходит весенняя выставка цветов. Там повсюду цветы, очень красиво и многолюдно. Может, сходите?

Лин Цзыхань не испытывал к этому ни малейшего интереса. Он не был садоводом и не увлекался разведением цветов. Хотя во время подготовки им и преподавали многое о растениях, но всё это было для работы. Сам он никогда не любил прогуливаться по паркам в одиночестве.

Водитель, смеясь, стал уговаривать:

— Молодой человек, так кататься без цели — деньги на ветер, и мне неловко с вас брать. Лучше сходите, погуляйте, полюбуйтесь цветами, посидите на солнышке, покормите голубей — глядишь, и настроение поднимется. Молодые вы люди, временные трудности у всех бывают, стоит стиснуть зубы — и пройдёт! Вот взять меня, к примеру: жена приболела, мне надо на работу выходить, а тёща не хочет помогать с ребёнком. Голова кругом, но если не работать — откуда деньги брать? Вот и кручусь, а в обед ещё домой мчаться, жене с сыном еду готовить...

Лин Цзыханя дожимали его разглагольствования всю дорогу, но на душе почему-то стало легче. И он сказал:

— Ладно, послушаю вас. Отвезите в Олимпийский сад.

— Есть! — Отзывчивый водитель тут же бодро ответил, повернул руль и доставил его к главным воротам сада.

Лин Цзыхань взглянул на счётчик: сумма была меньше тридцати юаней. Он достал сторублёвку и сказал:

— Сдачи не нужно.

Водитель, редко сталкивавшийся с таким, растерялся и засуетился:

— Нет-нет, как же так? Вы ведь тоже деньги зарабатываете, я должен сдачу дать. — И принялся отсчитывать мелочь.

Лин Цзыхань улыбнулся и мягко произнёс:

— Братец, спасибо вам за душевный разговор. Пусть это будет моей маленькой благодарностью. Купите фруктов супруге.

Водитель был тронут:

— Тогда... тогда... браток, спасибо тебе большое.

— Не за что, — Лин Цзыхань сказал это и вышел из машины.

Водитель ещё хотел что-то сказать, но в машину уже сел новый пассажир. Он лишь в последний раз взглянул на высокую фигуру Лин Цзыханя и уехал.

Олимпийский сад занимал огромную территорию, ландшафтный дизайн был прекрасен и исполнен вкуса. Вход сюда всегда был бесплатным, поэтому каждый день сюда приходило множество горожан и туристов отдохнуть или просто полюбоваться. Сейчас как раз шла весенняя выставка цветов: повсюду были расставлены самые разные растения, в оранжереях цвели редчайшие сорта, на лужайках деревья стояли в полном цвету — буйство красок, ароматы, под ярким солнцем всё выглядело празднично и радостно, поднимая настроение с первого взгляда.

<http://bllate.org/book/16287/1468420>